

4.8. Согласование в числе атрибутива с однородными субстантивами и субстантива с однородными атрибутивами

Это императивные варианты согласования, находящиеся в стадии преобразования: в обоих указанных случаях наблюдается постепенное преодоление ПВ при АИВ, то есть носители языка прилагательное (причастие) или существительное начинают воспринимать как имеющее отношение более чем к одному соответственно характеризуемому предмету или характеризующему признаку. Причем такой прогресс восприятия обнаруживается достаточно давно.

Так, М.В. Ломоносов фиксирует современное ему (середины XVIII века) употребление: «Соединенные существительные имена требуют имен прилагательных, местоимений и причастий множественных: *Касторъ и Полуксъ, рожденные от Леды; любезные мои Цицерон и Вергилий*. Однако нередко единственное число с ближним существительным согласно склоняется: *мой отецъ и мать; брат и сестра моя*» [Ломоносов 1952: 554].

Ф.И. Буслаев считает, что *Белое и Черное море* — «приличнее речи разговорной и безыскусственной; — во множественном же, по большей части, принадлежит языку книжному, более обдуманному. ... Если одно определительное стоит при двух или нескольких определяемых, то, по большей части, согласуется в роде и числе с ближайшим; напр. *«русский ум и сердце», «русское сердце и ум*». Иногда полагается и во множественном при определяемых ед. ч.; напр. *«старшие сын и дочь»*» [Буслаев 1959: 450]. Такого же мнения придерживается В.И. Чернышев [Чернышев 1970¹: 591–592].

А.А. Шахматов приводит примеры из романа Л.Н. Толстого «Война и мир», свидетельствующие о полном согласовании в числе в обеих комбинациях: *скотный и конный дворы; Рязанскую, Тульскую и Калужскую дороги; соблюдение степенности и медлительности, свойственных взрослым людям; приготовленные большая вилка и лопаточка* [Шахматов 1941: 304].

В последние полвека из одного ортологического пособия в другое «кочует» тургеневский пример *Дикий гусь и утка прилетели первыми* (ПВ). Известна история о заместителе министра культуры СССР, позвонившем на кафедру русского языка факультета журналистики МГУ, чтобы выяснить, правильно ли название журнала *«Советская эстрада и цирк»*, ведь с логической точки зрения *цирк* в этом сочетании — не советский. Чиновника успокоили не столько тургеневским примером *дикий гусь и утка*, сколько красноречивым партийным свидетельством: *«Советская*

печать, радио и телевидение» [Говорим по-русски... 2009]. У русистов имеется и свой «неловкий» пример: *русский язык и литература*.

Тургеневский пример о *диком гусе и утке* хрестоматиен. При его помощи сформулированная Д.Э. Розенталем установка — единственное число прилагательного возможно, если понятно, что оно относится к обоим существительным [Розенталь 1977: 220–221], — повторяется всеми последователями ученого [Солганик 2010: 202–203; Голуб 2007: 384–385; Бельчиков 2008: 273–274]. Но почему должно быть «понятно», что в данном примере утка тоже дикая? Потому что она прилетела так же, как гусь, то есть умеет летать? Но ничто не препятствует восприятию ее как домашней утки с необрезанными крыльями.

Д.Э. Розенталь, подтверждая идею языковой нормативности такого нелогичного согласования, ставит в пример читателям эмоциональную реакцию Д.Н. Овсянико-Куликовского (в книге «Руководство к изучению синтаксиса русского языка») на предложение *Я давно не видал моих брата и сестру*: «Это не по-русски и режет ухо» [Овсянико-Куликовский 1907: 29; Розенталь 1977: 220]. Однако жесткая позиция Д.Н. Овсянико-Куликовского выглядит крайне субъективной, поскольку по неясным для нас причинам не воспринимает или сознательно игнорирует мнения по этому поводу его предшественников, например М.В. Ломоносова и Ф.И. Буслаева, а также многих современных ему носителей языка, считающих нормальным грамматическое отражение в прилагательном количества определяемых им сущностей.

Так, современник Д.Н. Овсянико-Куликовского В.И. Чернышев в работе «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики» (первое издание — 1909 года), процитировав то же эмоциональное высказывание Д.Н. Овсянико-Куликовского, мягко обращает внимание на то, что в таких случаях «и множественное число иногда необходимо по смыслу речи: «Со мной ехали *богатые* купец и помещик»; «У меня есть *ленивые* ученик и ученица». Здесь форма единственного числа не определила бы второго слова» [Чернышев 1970¹: 591–592].

Другой известнейший современник Д.Н. Овсянико-Куликовского А.А. Шахматов в вышедшем в 1925 и 1927 годах «Синтаксисе русского языка» примерами из Л.Н. Толстого (см. выше) опроверг максимализм Д.Н. Овсянико-Куликовского.

Поэтому непонятно, почему основанный на поверхностном восприятии (с ориентацией на ближайший объект — согласно перцептивному закону близости) императив Д.Н. Овсянико-Куликовского Д.Э. Розенталем был воспринят, а опирающиеся на живые примеры противоположные

мнения М.В. Ломоносова, Ф.И. Буслаева, В.И. Чернышева и А.А. Шахматова — нет. По мнению Д.Э. Розенталя, «из двух вариантов: *Мой отец с матерью* приехали сюда и *Мои отец с матерью* приехали сюда предпочтительнее первый» [Розенталь 1977: 220] (сочетания им. п. и тв. п. общности мы считаем «однородными субстантивами» только в значении «семантической однородности», то есть того, что Д.Э. Розенталь называет «равноправием» — см. пункт 4.5). По какой причине первый вариант предпочтительнее — автор не объясняет. Примеры НКРЯ показывают, что современные носители языка не руководствуются рекомендацией Д.Э. Розенталя в отношении употреблений *мой отец с матерью* при равном социальном статусе родителей или указанием правильности конструкции *мой брат и сестра* от Д.Н. Овсянико-Куликовского.

Поскольку нелогичность наблюдается только в случае препозиции прилагательного или глагола к определяем существительным и чаще в речи устной, то есть неподготовленной, логично заключить, что в этих случаях, как и в случае сочетания однородных подлежащих с препозитивным сказуемым (см. выше), говорящий фиксирует свое внимание на ближайшем существительном (ПВ) лишь потому, что не замечает второе существительное, следующее за ближайшим (объяснение этого явления, отчасти опирающееся на данные, приведенные в главах 1–3, — см. в [Попов 2012¹]).

Изучение узуальных примеров позволяет заметить, что «близорукое препозитивное согласование в числе» (ПВ) уже преодолевают прилагательные качественные: употребления типа *испуганные гусь и утка*, *замечательные эстрада и цирк* встречаются чаще включающих прилагательное в ед. ч. в таких случаях. Наибольший консерватизм обнаруживают прилагательные относительные, по своей природе «указательные», то есть менее абстрактные, чем прилагательные качественные. Тем не менее, как замечает В.В. Виноградов, «грамматическая граница между качественными и относительными прилагательными очень подвижна и условна» [Виноградов 1986: 175]: развивая качественные значения, относительные прилагательные становятся более абстрактными. Кроме того, весьма показательны примеры НКРЯ, демонстрирующие избегание нелогичности конструкций с препозитивным относительным прилагательным — пусть даже ценой громоздкости конструкции: *русский язык и русская литература* (во всех случаях наблюдается АИВ).